

ПРОЛОГ

*Ресторан «Аль Махара»
Отель «Бурдж аль Араб», Дубай, ОАЭ,
12 июня, воскресенье, 19:19*

Гостиницы, и об этом охотно поведаст любой завзятый путешественник, бывают разные: старинные — когда история восходит к самому первому значению слова «отель», — и недавние бетонные коробки, которые без сожаления ломают ради новых построек, знаменитые — лишь одни их названия добавляют городу притягательного шарма, — и никому не известные.

А ещё есть отели, о которых знает весь мир.

Гостиницы бывают разные, но если вы хотите как можно быстрее узнать, что представляет собой выбранная вами — загляните на парковку и оцените, сколько наличных выбросили гости, чтобы её украсить. Если стоимость полированного металла, ценных пород дерева, нежной кожи и форменных фуражек даже «на глазок» превышает пару-тройку миллионов, вокруг полно песка, из груд которого важно торчат ухоженные пальмы, блуждают напыщенные верблюды, а тень здания тянется до границы соседнего эмирата, то вы, скорее всего, в Дубае, у подножия гигантского паруса «Бурдж аль Араб», который некогда стал первым на Земле семизвёздочным отелем. А если вы бросили на рукотворную скалу лишь мимолётный взгляд, а то и вовсе проигнорировали, то либо вы здесь работаете, либо неоднократно бывали в качестве гостя, либо слишком поглощены делами и не желаете отвлекаться на знаменитый символ строительных побед арабских нефтедолларов...

Черноволосый мужчина, только что покинувший блестящий лимузин, длина которого совсем чуть-чуть уступала отбрасываемой гигантским отелем тени, относился ко второй или третьей

группе. Идеальный костюм, старомодные запонки на манжетах белоснежной сорочки, изящная булавка для галстука — косвенные признаки неброско, но весомо свидетельствовали о высоком статусе брүнета. И поведение соответствовало: гость воспринимал окружающую роскошь как должное, без показного равнодушия скоробогатеев.

Войдя в холл, он сразу же направился к лифту, коротко распорядился: «В «Устрицу» — фраза на арабском прозвучала без акцента, — и так же коротко, уже в подводном зале, прозвучало следующее предложение: «Господин Атлантов». Метрдотель склонился и лично сопроводил высокого гостя к столику, за которым потягивал розовое вино очень плотный мужчина лет сорока, затем негромко осведомился, когда господа сочтут нужным сделать заказ, услышал: «Позже», склонился ещё раз и оставил собеседников одних.

— Недолюбливаю большие аквариумы, — негромко произнёс плотный вместо «Здравствуйте».

— Между нами и миллионом литров воды шесть дюймов плексигласа, — отозвался брүнет.

— Знаю. — Плотный, не отрывая взгляд от фланирующих за стеклом рыб, сделал маленький глоток розового. — Но я не сказал, что боюсь, я сказал, что не люблю большие аквариумы. Есть разница.

У него было крупное круглое лицо, аккуратная бородка, внимательные глаза — морщинки вокруг них говорили о любви к улыбкам — и прямой нос. Приятное, открытое лицо без следов каких-либо излишеств. Тёмные некогда волосы почти сдались натиску седины, и серебро прибавляло далеко не старому мужчине несколько лишних лет.

Впрочем, считать года — удел гламурных дамочек, мужчины считают достижения.

— Хороший выбор, Андрей. — Черноволосый попробовал вино. — Вы разбираетесь.

Но благодарности за комплимент не последовало. Плотный повертел в руке бокал, наконец-то перевёл взгляд на собеседника и негромко осведомился:

— Вы действительно Ярга?

Учитывая, что приветствие так и не прозвучало, фраза получилась не совсем вежливой, но чёрноволосый не обиделся. Или сделал вид, что не обиделся. Чуть склонил к левому плечу голову, усмехнулся и с иронией произнёс:

— Вот уж не думал, что придётся подтверждать свою личность.

Ещё один глоток вина. Каждый из собеседников сделал по глотку, но бокалы не соприкоснулись. Мужчин разделяла прозрачная стена, бывшая гораздо крепче той, шестидюймовой, за которой прятался миллион литров морской воды.

— Почему? — Андрей изобразил на лице лёгкое удивление. — Откуда мне знать, что вы тот, за кого себя выдаёте?

— Зачем вам вообще знать, кто я?

— Чтобы поверить в то, что вы предлагаете.

— Вы уже поверили, раз приехали. — Ярга стёр с лица усмешку и говорил теперь предельно серьёзно. И предельно проникновенно: — Имя ничего не меняет. На моём месте мог сидеть шас, масан, люд, чуд — все равно. Абсолютно всё равно, потому что вас сюда привело не моё имя, а моё предложение.

Знающие Выселки.

Название не прозвучало, но Андрей не сдержался: дёрнул щекой, словно услышал. Словно уже прикоснулся к древней загадке человеческих колдунов. Дёрнул щекой и тем продемонстрировал жгучий интерес. Поймал взгляд Ярги, слегка смутился и очень холодно произнёс:

— У всех, кого вы перечислили, нет мотива раскрывать мне тайну.

— Вот вы и ответили на свой вопрос, Андрей, и сами подтвердили мою личность. — Черноволосый вновь позволил себе улыбку. — Давайте закажем ещё бутылочку вина и попросим меню, чтобы не нервировать местных.

— Я не планировал ужинать.

— Вам и не придётся.

— Что вы имеете в виду?

— Мы расстанемся раньше.

— Будут гости? — нахмурился плотный.

— Я расскажу о Знающих Выселках для того, чтобы подбросить Великим Домам головной боли, — объяснил Ярга. Вопрос о гостях он проигнорировал, намекнув своим пренебрежением, что всё контролирует. — Возвращение знаменитой четвёрки их не обрадует.

— Вы надеетесь, что мы перегрызёмся.

— Я уверен, что вы перегрызётесь.

Услышать подобное от настолько опытного колдуна было крайне неприятно, но Андрей не смутился.

— А если мы объединимся?

— Риск есть всегда, — махнул рукой темноволосый. — Но если план по каким-то причинам не сработает и Выселки объединятся с Великими Домами, я просто уничтожу всех. Четыре группировки вместо трёх. Придётся повозиться, но я справлюсь.

— Кем же вы будете править?

— Теми, кто склонит предо мной голову. — Ярга бросил взгляд на часы, раскрыл меню, однако изучать его не стал, посмотрел на Андрея и жёстко, очень деловым тоном спросил: — Так вас интересует история Знающих Выселок?

— Объект за столиком с неопознанным челом, — сообщил Тамир, уже взявший под контроль все видеокамеры отеля. — Им только что принесли меню и вторую бутылку вина.

— Ужин не получится, — тут же добавил Доминга, маг-предсказатель. — С вероятностью девяносто семь процентов расстанутся в течение двадцати минут. — И тут же, спохватившись, добавил: — Вероятность того, что объект покинет ресторан при помощи портала, — восемьдесят шесть процентов.

— Принято. — Сантьяга медленно провёл рукой по столешнице.

Комиссар Тёмного Двора небрежно облокотился на стойку портье и задумчиво разглядывал чашку поданного служителем чая. Высокий, стройный, одетый в элегантный белый костюм — превосходный выбор для местного климата, — он производил впечатление скучающего денди, чья спутница задержалась в номере по каким-то важным дамским делам. Рядом с чашкой лежала великолепная белая роза.

Видимый окружающими образ отличался от оригинала сухой мелочью: в действительности вместо цветка на мраморе стоял блестящий спиралевидный артефакт, надёжно скрывающий от сканирования присутствие в холле гостиницы одного из сильнейших магов Тайного Города.

— Почему до сих пор не идентифицировали чела?

— Чел активизировал «Навский оберег», — доложил Ортега. — Мы не в состоянии пробиться через его защиту.

Магические устройства Тёмного Двора ценили за качество и надёжность, и комиссару этого самого Двора оставалось лишь вздохнуть.

И повернуться на шум.

У дверей возникла лёгкая суета: несколько ребятишек, по всей видимости, дети гостей, столпились вокруг дрессировщика

с орангутаном. Рыжая обезьяна, наряжённая в красную феску и синий с золотом жилет, корчила рожи, паясничала, приставала к малышне и тем вызывала приступы весёлого смеха. Охранники делали вид, что ничего не замечают.

Сантьяга потёр лоб и вернулся к делам:

- Камеры видеонаблюдения?
- Собеседник Ярги использует «Накидку пыльных дорог».

И тем заставил многочисленные камеры увидеть вместо себя длинную, как жердь, англичанку в омерзительно безвкусном платье.

- Предусмотрительно.
- Согласен, комиссар, — поддакнул помощник.
- Откуда известно, что с объектом именно чел?
- Я просканировал окружающую территорию и гарантирую, что три последних дня к столику подходили только челы, — подал голос шас Тамир Кумар, один из двух «ласвегасов», отвечающий в команде за технические вопросы. Нав Доминга, его напарник, считался лучшим предсказателем Тайного Города.

- То есть генетический статус объекта: чел?
- Совершенно верно.
- Есть хоть один признак того, что второй объект — Ярга?
- К сожалению, нет.

Длинный палец Сантьяги вновь проехал по мрамору столешницы.

Сидящих у гигантского аквариума мужчин изучили настолько, насколько это было возможно без использования магии. Тамир вёл объект от аэропорта, здесь подключился к камерам службы безопасности отеля, но пока от этих усилий не было толку: в лимузине объект молчал, а столик оказался защищён надёжнейшем оберегом.

Что делать?

Группа захвата — гиперборейская ведьма и шесть гарок в полном боевом облачении — уже вошла в «Бурдж аль Араб», а их командир до сих пор не был уверен в том, что объект и есть Ярга. Потому что если они ошиблись и возьмут сейчас одного из помощников первого князя Нави, то потеряют последнюю ниточку, ведущую к злейшему врагу Тайного Города.

- Комиссар? — осторожно позвал Ортега.
 - До окончания разговора не более десяти минут, — сообщил Доминга.
 - Группа захвата на исходной, — скупо доложил Бога.
- Надо принимать решение.

— Почему мой выбор пал на вас? — Тёмный покачал головой, давая понять, что удивлён вопросом. — Андрей, это же очевидно: вы знакомы с Тайным Городом, с его реалиями...

— Я давно отошёл от дел...

И столкнулся с ледяным взглядом чёрных глаз. Таким взглядом можно было потопить «Титаник». Впрочем, если за столиком действительно сидел Ярга, то счёт его «Титаников» давно шёл на тысячи.

— Пожалуйста, не надо меня перебивать, — жёстко попросил тёмный и вновь взглянул на часы. И вновь — мельком. — Вы отошли от дел, но мне не нужно вам объяснять, что есть Тайный Город, Великие Дома и что такое Знающие Выселки. А последнее знание встречается среди ваших сородичей крайне редко. Вы сильны и хорошо образованны, вы патриот и вы упрямец. Вы захотите возродить Выселки... Собственно, уже захотели, а больше мне ничего не нужно. — Губы растягиваются в лёгкой усмешке. — Вы сильно мотивированы, Андрей, мне не придётся вас подталкивать или уговаривать. И я знаю, что вы рискнёте.

— У меня спокойная жизнь и солидный, приносящий отличный доход бизнес. Я десять лет никак не пересекался с Тайным Городом, и меня это вполне устраивает.

— Не устраивает.

— Мне лучше знать.

— Вы здесь, — с неожиданной мягкостью напомнил Ярга.

И услышал давно заготовленный ответ:

— Я сентиментален. От вашего предложения повеяло запахом молодости, противиться которому я не стал. Мог, но не стал. Но чем больше я нахожусь здесь, тем яснее понимаю, что не намерен возвращаться.

Прозвучало уверенно, однако собеседники понимали, что Андрей говорит это не Ярге, а себе. Пытается найти повод откататься. Пытается, но не может.

Потому что не только запах молодости почувствовал Андрей, но и след великой тайны увидел. И вот ему-то, а не сентиментальности своей, на ностальгию помноженной, не мог противиться бывший наёмник.

— Как бы там ни было, я не собираюсь вас уговаривать, — ровно продолжил Ярга. — И не уверен, что пойду к другому челу: идея с Выселками пришла неожиданно и так же легко способна меня оставить.

— Мы говорим о моей жизни.

— Десять лет назад вы, не задумываясь, поставили её на кон.

— Десять лет — это очень много.

Первый князь Нави покачал головой.

— Знаете, Андрей, чем больше я погружаюсь в реалии современной Земли, тем меньше мне хочется захватывать эту прогнившую планету. Где огонь? Где ярость? Где та жемчужина, которую первые дети Спящего назвали раем? Где та Земля, из-за которой мы вели с асурами войну на взаимное уничтожение? Где мы? Где враги? Почему я могу купить едва ли не всех? Где принципы? Героев сменили бухгалтеры, а мне противно и скучно быть императором бухгалтеров, но я могу попробовать. Сколько ты хочешь за операцию? Такой язык тебе понятен?

— Я... — Андрей покраснел, резко отставил бокал, расплескав на белоснежную скатерть розовое. — Я...

— Ты мне наскучил. — Ярга поднялся, но тут же снова сел и улыбнулся. — У нас гости. — И улыбка стала ещё шире, когда он увидел, как быстро Андрей извлёк из кармана боевой перстень. — «Дыхание дракона»?

— Да.

— Не пригодится, — повёл рукой Ярга. — От этой битвы я тебя прикрою. Так что слушай и запоминай, чел: повторить я не успею...

— Бей!

А может, и не было никакого сигнала? Может, маги ударили сами? Не дождались?

Нет, нет и ещё раз нет! Гарки и гиперборейская ведьма, ведомые самим комиссаром Тёмного Двора, действовали как единый организм, как одна рука. Вот она едва заметно дрогнула, напряглась — воины вошли в отель; вот сжались для удара пальцы, сложились в кулак, прикрытый железной перчаткой, — отряд занял позицию. И вот — удар. Мощный кулак неожиданно...

— Бей!

Крик громкий, чуть растерянный.

— Прикрой!

Ударил мощный кулак. Но не вперёд, а в ответ. Даже не в ответ, а в воздух. Нелепо ударил, слабенько, а всё потому, что вскочивший из-за столика брюнет врезал по изготовившимся магам упругим потоком «Каменного ветра». И не простым потоком, а резким, набравшим невиданную силу за долю доли мгновения, да ещё избирательным, сметающим с дороги исключительно назов.

Посетители, служители, стулья, столы, тарелки — всё остались на своих местах, ничем не потревоженные и даже не узнавшие о том, какие страсти бушуют в миллиметре от них. А шесть превосходно экипированных боевых магов Тёмного Двора котятками врезались в стены.

И сползли, оглушённые. Но живые, поскольку смерть сегодня не спешила.

— Бей!

И выкрик этот, как выяснилось, издала Яна. Изумлённая гиперборейская ведьма ударила вовремя, но ударила одна. Тяжело, мощно, но недостаточно сильно для того, чтобы опрокинуть первого князя Нави.

— Смешно...

Группа захвата должна была сработать слаженно: двое вытягивают из объекта магическую энергию, двое вяжут невидимые путы, двое бьют оглушающими. Яне же выпало держать морок. В самый последний момент она сумела перенаправить большую часть энергии в удар, однако результат, мягко говоря, не впечатлил.

— Смешно...

Ярга подхватил направленный на него поток, ловко закрутил, усилил, а затем, не прекращая улыбаться, врезал в плексиглас.

— Как тебе это?

По прозрачной стене аквариума побежали трещины.

— Чёрт!

Позабыв о том, что может оказаться под ударом, Яна бросилась вперёд и вцепилась в разрушающееся стекло всей своей силой. Сдавила, склеила, сжала разбегающийся полимер и только тогда поняла, что не сможет его отпустить без чьей-либо помощи. Магия магией, но если она хоть на мгновение потеряет концентрацию, то на посетителей «Устрицы» хлынет миллион литров морской воды и множество морских обитателей.

— Ненавижу аквариумы.

— Опять вы об этом... — Успокоившийся Ярга с усмешкой оглядел застывшую у стекла ведьму, даже по плечу её потрепал ободряюще, затем взглянул на часы и вздохнул: — Андрей, всё запомнили?

— Да.

— Теперь уходите, через семь секунд здесь будет не протолкнуться от навов.

В шаге от столика заплясал чёрный вихрь портала. Чел поднялся, но задержался, повернулся к Ярге и крикнул:

— Ваши мотивы враждебны, но я всё равно благодарен. Знающие Выселки стоят того, чтобы рискнуть.

— Именно поэтому я вас выбрал, Андрей. Удачи.

Чел усмехнулся и вошёл в портал.

— Бей!

— Чёрт!

— Я долго не продержусь!

И все восклицания — голосом Яны.

— Что у вас происходит? — Сантьяга резко оборачивается к лифту, намереваясь броситься вниз, но в следующий момент понимает, что холл скрутило мощным боевым арканом. «Кольцо саламандры» четвёртого уровня, неактивизированное, но сформированное. Достаточно последнего слова, жеста или даже вздоха — смотря как решил закончить строительство заклинания неизвестный маг, — и всех, кто находится в холле, зальёт огнём. Сам комиссар, безусловно, увернётся, успеет создать спасительный переход и уйти, а вот портье, гости, охранники, детишки у дверей...

Детишки?!

Сантьяга поворачивается к дверям и упирается взглядом в шерящегося орангутана.

— Схинки?

— Не шевелитесь, комиссар, и никто не пострадает. Даже вы.

И орангутан стремительно ныряет в распахнувшиеся двери лифта. Из глубины которого Сантьягу обжигает чёрным взглядом первого князя.

— Мы ещё увидимся...

Створки схлопываются. Через мгновение открываются — изумлённый лифтёр тупо таращится на панель, — и видно, что лифтёр в кабине один.

А в следующий миг срабатывает гарнитура.

— Комиссар! — Доминга возбуждён до крайности. — Комиссар! Что случилось? Почему не было связи?!

— Ярга уехал, — негромко говорит Сантьяга, заставляя «лас-вегаса» умолкнуть. Выдерживает короткую паузу и приказывает: — Срочно нужны ремонтники из Службы утилизации. — Ярга повредил аквариум.

ГЛАВА 1

*Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь
Москва, Ленинградский проспект,
13 июня, понедельник, 00:09*

Все Великие Дома на всём протяжении истории старательно и со вкусом превращали свои оплоты в неприступные крепости. Лидеры, секретные знания, сокровища, а главное — Источники магической энергии, обеспечивающие волшебникам древних семей власть и могущество, — всё это требовало тщательного сбережения, а потому штаб-квартиры ведущих рас Тайного Города были не только красивы, но и функциональны, гарантируя нарушителям периметра быструю смерть от стрелы, клинка, пули, яда, когтей, зубов и сотни с лишним умерщвляющих арканов, среди которых попадались и такие экзотические, как заполнение лёгких расплавленным свинцом (лучшее средство против василисков), подбрасывание к облакам с последующим распылением на молекулы (прекрасные показатели по всем генетическим статусам) и выедание спинного мозга проникающими кородами-мутантами (экспериментальное заклинание фаты Голицы).

Другими словами, в штаб-квартиру любого Великого Дома рекомендовалось приезжать исключительно по приглашениям, входить исключительно в указанные ворота и/или калитки и тщательно следовать инструкциям сопровождающих, если таковые имеются. Но даже в ряду ошетинившихся смертоносными улыбками крепостей навская Цитадель выделялась особо. Настолько особо, что её посещение у половины жителей Тайного Города считалось плохой приметой, а другую половину нельзя было заманить в Цитадель даже списанием всех долгов. Сердце Тьмы не отталкивало и не угрожало, оно просто было

самим собой и одним лишь этим заставляло держаться от себя подальше.

Однако наёмники из команды Кортеса, несмотря на общеизвестное благоразумие, приезжали в штаб-квартиру Нави столько, сколько нужно, тогда, когда нужно, и особенно охотно посещали личный кабинет Сантьяги — просторную залу, обставленную и оснащённую в стиле хай-тёк — стекло, сталь, фантазия обкурившегося киберпанкера и очень много электроники.

Тем не менее некоторые суеверия были присущи и наёмникам.

— Тринадцатое число, да ещё понедельник, — протянул Артём, бросив драматический взгляд на календарь. — Комиссар, вы уверены, что новый контракт имеет смысл заключать сегодня?

— Мы заключили его гораздо раньше, — улыбнулся нав. Было видно, что настроение у него не лучшее, но не поддержать шутку он не мог.

— А в Москву мы вернулись в воскресенье, двенадцатого, так что всё в порядке, — добавил Кортес.

Совещание — разбор дубайского полёта, или пролёта, а точнее — дубайской катастрофы — решили провести по горячим следам. Даже два совещания. Сначала Сантьяга вдумчиво разъяснил ошибки проштрафившимся гаркам, особенно упирая на острейшую необходимость дополнительного изучения некоторых аспектов боевого предчувствия и способов стремительного уклонения от выборочных заклинаний. Этот разбор проводился в дальней пыточной на минус двадцать третьем уровне Цитадели, куда, по слухам, не рисковали забредать без свиты даже всемогущие советники Тёмного Двора.

Пообщавшись с воинами, Сантьяга переместился в кабинет — проникновение в дальнюю пыточную осуществлялось исключительно порталом — и немедленно начал новый разговор: с Кортесом и его командой, с лучшими наёмниками Тайного Города. С челами, которым удалось выследить неуловимого Яргу.

— Слышала, мы пропустили появление Мстителя, — обронила Яна.

— Мы справились, — скупой ответил Сантьяга. — Хотя было... неприятно.

Высший боевой маг Великого Дома Навь сидел, как положено хозяину кабинета, во главе стола. Его чёрные волосы были привычно уложены на пробор, в чёрных, глубоко запавших

глазах привычно гулял огонёк... Но не весёлый, как это бывало привычно, а злой: комиссар до сих пор не отошёл от поражения. Во всём остальном — традиционный блеск: белый, шитый на заказ костюм, элегантная сорочка, коллекционный галстук и запонки с чёрными бриллиантами.

— Сегодня... В смысле — уже вчера, особого веселья тоже не случилось, — хмыкнул Кортес. — Нас обыграли.

— А мы даже не знаем, действительно ли в отель приходил Ярга? — вздохнула Инга.

— Это был он, — спокойно подтвердил Сантьяга. Перед его глазами встала скалящаяся в холле обезьяна. — Я уверен. — Выдержал паузу и продолжил: — Аквариум, кстати, починили, никто ничего не заметил... Счёт из Службы утилизации оказался вполне приемлем... Яна, благодарю за то, что не позволили случиться непоправимому.

— Я должна была это сделать, — равнодушно, как о само собой разумеющемся, отозвалась гиперборейская ведьма.

— Спасибо, что понимаете. — Ещё одна пауза. — Ярга не уточнил причину, по которой оставил вас в живых?

Инга коротко прыснула, Артём отвернулся, скрывая улыбку, но наёмники понимали, что в шутке комиссара была лишь доля шутки. Яна бросилась спасать посетителей «Устрицы», не могла защищаться, но первый князь Нави не воспользовался возможностью устранить одного из сильнейших противников.

— Полагаю, он в принципе не хотел жертв, — ровно произнесла гиперборейская ведьма. И очень спокойно добавила: — В этот раз.

Без морока, который ей приходилось носить практически постоянно, Яна выглядела необычно даже по меркам Тайного Города: лишённую волос голову украшала замысловатая чёрная тутировка — личная подпись Азаг-Тота, давным-давно объявившего наложницу своей собственностью; а глаза девушки заливало тяжёлое золото Кадаф, в тусклом сиянии которого не было места ни зрачку, ни белку. Эти метки Яна была вынуждена носить в обмен на силу. В обмен на то, к чему она не стремилась и чего не желала.

Одежда же — как у остальных вернувшихся с операции наёмников: тёмный комбинезон, подчёркивающий достоинства спортивной фигуры, обрезанные перчатки, боевой пояс и лёгкие, очень удобные ботинки.

— А почему Ярга никого не убил? — задался вопросом Артём.

— Не был настроен... — пробормотал Кортес.

— Он мог перебить всех, кто был в отёле, — выдала очевидное Инга. — Он ждал нападения и мог устроить великолепную засаду.

Вместо этого первый князь разработал план аккуратного отступления.

— Ярге нужны навы, нужен мой Дом, — вздохнул Сантьяга. — И он до последнего будет демонстрировать своё уважение и миролюбие. Ярга станет убивать навов лишь в случае крайней необходимости.

И ни слова о том, почему спаслась гиперборейская ведьма. То ли удовлетворился объяснением, то ли решил не возвращаться к подозрительной теме.

— Его появление в «Бурдже» было чётко спланировано, — ровным голосом произнесла Яна.

— А мы ошиблись, — вздохнул Кортес.

— Он очень хорош, — негромко напомнил Сантьяга.

— Получается, Ярга знал, что мы его ведём? — растерянно спросил Артём.

Комиссар неопределённо пожал плечами.

После событий на островах¹ Сантьяга приказал наёмникам отложить все дела и заняться поисками первого князя. Заняться обычными способами, поскольку от магических методов Ярга уклонялся без особого труда.

Несколько месяцев команда колесила по миру: наёмники допрашивали мятежных вампиров — по слухам, первый князь активно вербовал среди них сторонников, наблюдали за человеческими колдунами, мониторили Сеть, реагировали на любые подозрительные всплески магической энергии, на странные слухи, сплетни, говорили, спрашивали и снова говорили. Ярга ухитрился создать огромную и эффективную организацию, однако конспиративные методы не идеальны, проколы случаются на любом уровне, и главное — знать, что ищешь. А Кортес и его команда — знали.

Странный звонок, случайно зафиксированный АНБ — в её внутренней сети хозяйничали «ласвегасы», — вывел наёмников на телефон, который забыл сменить мелкий и глупый колдун. В ходе короткого, но энергичного допроса появилось имя городского лидера, которого немедленно опутали тысячей электронных глаз и в результате получили информацию о готовящейся в «Бурдже»

¹Подробнее в повести «Паутина противостояния».

встрече. По всем признакам в Дубай летел кто-то невероятно важный, возможно — сам Ярга, и Кортес дал сигнал Сантьяге.

Что произошло дальше — известно.

— Ярга ушёл, новая охота за ним потребует времени, а потому предлагаю сосредоточиться на его собеседнике, — предложил комиссар Тёмного Двора.

И так наметил контуры нового контракта.

— Нет никаких сомнений, что собеседником Ярги был чел, — осторожно произнёс Кортес.

— Круг поиска существенно сузился, — улыбнулся Сантьяга.

— Чел, который знает о Тайном Городе. Возможно, живёт в нем, — добавила Яна.

— Почему не важная шишка из какого-нибудь правительства? — осведомилась Инга.

— Я прочитала предварительный отчёт аналитиков: «Навский берег» был активизирован до появления Ярги, — ответила подруге гиперборейская ведьма. — Значит, чел из Тайного Города.

— Или ему велели воспользоваться берегом.

— Принимаю первый вариант: чел из Тайного Города, — кивнул комиссар. — Иначе мы запутаемся.

— А как насчёт Хранительницы Чёрной Книги? — предложил свой вариант Артём.

— На острове Лариса действовала против Ярги, — напомнил Кортес.

— Все меняется.

— Вы считаете, что Лариса способна поддержать нашего врага? — заинтересовался Сантьяга.

— Нет, — решительно ответила Яна, бросив на молодого напарника выразительный взгляд.

— Я просто рассматривал возможные варианты, — ступенчатся Артём.

— В таком случае не исключаем такую возможность, — подытожил нав.

— Даже без Ларисы мы оставляем под подозрением не так уж много народа: всего лишь всех, кто знает о Тайном Городе. И немножко тех, кто не знает, но кому Ярга мог о нём рассказать, — с иронией произнесла Инга. — А в запасе у нас не больше двух-трёх дней, потом он начнёт действовать.

— Может, они просто обсуждали перспективы сотрудничества?

— Чем бы они ни занимались, мы должны отыскать чела как можно скорее, — решительно произнёс Сантьяга. — Желательно — по горячим следам.

— В первую очередь нужно проверить тех, кто покидал Тайный Город, — деловым тоном предложила Яна.

— Полагаю, он слишком умён, чтобы погореть на такой мелочи, — покачал головой Кортес. — И не надо забывать, что Мститель заставил отправиться в отпуск многих жителей Тайного Города.

— Проверка может затянуться, — кисло заметил Артём.

— Вне Москвы живёт изрядное количество человеческих колдунов, — напомнила Инга.

— Мне кажется, что Ярга готовит операцию в Тайном Городе, — прищурилась Яна.

— Я договорюсь с Зелёным Домом о введении обязательной регистрации прибывающих в город человеческих магов, — пообещал Сантьяга. — Временная мера на период проведения расследования поможет держать подозреваемых на коротком поводке. — Пауза. — А вы получите доступ к информации обо всех челах Тайного Города... Разумеется, неофициально. — Комиссар вновь улыбнулся. — Я хочу, чтобы вы лично проверили наиболее сильных магов.

И умолк, уловив лёгкое, едва заметное напряжение.

— Мы не знаем замысла Ярги, — со всем доступным ему бесстрашием произнёс Артём. — Возможно, он встречался с обычным челом, не магом, и тогда его поиск сродни поиску иголки в стоге сена.

Когда контрагент начинает говорить о сложности предстоящей работы, это означает одно из двух: либо хочет больше денег, либо не хочет эту работу. А учитывая, что при расчётах с наёмниками Сантьяга забывал о знаменитой навской бережливости, первый вариант исключался.

Артём уверенно «держал лицо», смотрел на комиссара предельно спокойно, всем своим видом показывая, что высказал обыкновенное предположение, однако скрытое послание услышали все. И возникшая пауза действительно оказалась неловкой.

— Сейчас непростые времена, комиссар, всё запутывается в странные узлы, которые трудно принять, — медленно произнёс Кортес. — Но мы понимаем опасность происходящего: Ярга и его помощники угрожают не только Тайному Городу, но и всему миру.

— Я рад, что могу вам доверять, Кортес. — Сантьяга откинулся на спинку кресла. — Завтра утром вы получите необходимые материалы.

* * *

*Чайная и охотничий клуб «Алтайская неувязка»
Москва, Ленинский проспект,
13 июня, понедельник, 00:12*

У каждого из нас случается в жизни Самое Важное Дело. Именно с заглавных букв и никак иначе, потому что в этом самом Деле частенько таится смысл соответствующей жизни. А со смыслом шутить нельзя.

Иногда СВД делает нас богатыми, иногда знаменитыми, иногда даёт пропуск в историю, а иногда — если ошибся — укладывает в могилу. Усаживаясь за стол, никто из нас не знает, чем закончится игра, но... Но доподлинно известно, что ставки будут высоки, а жизнь — вне зависимости от того, чем всё закончится, — обязательно изменится.

И ещё все знают, что Самое Важное Дело не всегда предупреждает о своём появлении. Бывает, оно ехидно таится, прикрываясь заурядной обыденностью, а затем, в самый неподходящий, как водится, момент, неожиданно вскрывает свою истинную суть, приводя в замешательство или восторг. А иногда заявляет о себе сразу, позволяя подготовиться и подумать: а нужно ли садиться за стол, когда там настолько высокие ставки?

По-всякому бывает.

До встречи с Яргой Андрей Ризнык искренне считал, что он свой выбор уже сделал, судьбу поменял и больше в его жизни крутых поворотов не предвидится.

Как выяснилось, считал Андрей неправильно.

— А вот я люблю чай с сахаром, — безапелляционно заявил шас. — Не понимаю, как можно пить горячее и несладкое. Да ещё горькое. Чай или кофе должны быть крепкими, как мужская рука, и сладкими, как поцелуй женщины. Что скажете?

— Насчёт руки?

— Насчёт сладости.

Хваны переглянулись и синхронно пожали могучими плечами.

Что тут скажешь? Объяснять, что сахар убивает вкус? Губит тонкую работу травниц, придумывающих необыкновенные сочетания для улаживания души и тела? Переубеждать уверенного в своей правоте шаса? А зачем? Любой хван изначально крестьянин, а что такое говорливый крестьянин? Тот, у кого скотина неухоженная, поле бурьяном поросло, а забор покосился. Вот

каков говорливый крестьянин. Но хваны таковыми отродясь не были, во всяком случае, те, что сидели сейчас с любителем сладкого за чайником ароматного напитка. А сидели в комнате Фет, неформальный лидер московской общины четырёхруких, и Тыц, владелец «Алтайской неувязки», неформальной штаб-квартиры этой общины. И положение их в общине ясное ясно показывало, что в жизни своей конкретно эти хваны предпочитали не говорить, а слушать. И делать. И потому вступаться за любимый напиток они не стали. Следующим, после пожимания верхних плеч, жестом хваны сделали по глотку горячего, несладкого чая и вернули пиалы на столик.

— Я считаю, что лучший сахар — тростниковый, не зря же его первым выдумали, да? Вы помните, как в своё время Алисар Хамзи торговал сахаром? Огромное состояние, между прочим, сделал. Торговать сахаром тогда было выгоднее, чем оружием, наркотиками и даже магической энергией. Этот рынок...

Шас был молод, впервые оказался в обществе хванов, да ещё по серьёзному делу, робел и потому трещал без умолку.

— Или соль. Триста лет назад...

— Не хочешь поговорить о чем-нибудь более современном? — с улыбкой осведомился Фет. — Например, о твоих проблемах.

— Прямо здесь? — поинтересовался шас. И жалобно покопился на Тыца.

Стало понятно, что один на один с Фетом торговцу будет спокойнее, и тут, как по заказу, завибрировал лежащий на столе телефон.

— Ко мне гость, — с облегчением сообщил Тыц. — Я вас оставлю.

С этими словами он поднялся и, не обращая внимания на недовольную гримасу Фета, вышел за дверь.

«Алтайская неувязка» занимала двухэтажное здание, стоящее на краю небольшого сквера, благодаря чему летняя веранда заведения таилась в тени раскидистых деревьев. Первый этаж дома был полностью отдан под охотничий клуб. А на втором разместился ресторан, как значилось в рекламном буклете, «для тех, кто любит мясо». Причём — не обычное мясо, а дичь, поскольку подавали в «Неувязке» только то, что добывали на далёкой родине хваны-охотники: оленину, лосятину и прочие дары алтайских лесов, включая медвежатину. Готовили четырёхрукие отменно, поэтому заведение не пустовало.

Так же как расположенная там же, на втором этаже чайная — совсем небольшая, предназначенная исключительно «для своих». В маленькие комнатки, где посетители удобно возлежали на мягких подушках, подавали травяные чаи и конфиденциальность. Все знали, что в «Неувязке» можно говорить о чём угодно, не опасаясь ни магической, ни электронной прослушки, и поэтому безалкогольное заведение пользовалось в Тайном Городе бешеной популярностью. Вторым весомым достоинством чайной были индивидуальные порталы: клиент получал код соответствующего маяка, вводил его в свой артефакт перехода и оказывался прямо в комнате, избежав ненужного внимания посторонних. Просто, надёжно и предельно эффективно.

Системы безопасности «Неувязки» задействовали только посетители особого сорта и только ради важных дел, а потому Тыц был несколько удивлён проявленной именно этим гостем осторожностью.

— Дружище! — повернулся тот к хвану и распахнул объятия.

— Рад тебя видеть, Андрей! — Тыц рассмеялся и потрепал друга по плечу.

— Смотрю, процветаешь?

— Вынужденно, старина, вынужденно: сейчас модно быть обеспеченным.

— В тренде, значит.

— Я ведь говорю: вынужденно...

— Стал похож на шаса.

— Внешне?

Мужчины громко рассмеялись.

На самом деле спутать лысого, как станковый огнетушитель, и такого же мощного Тыца с шасом не представлялось возможным. И вторая пара рук, которую владелец «Неувязки» морокком скрывал от обычных челов, играла здесь не самую главную роль. Тыц был на голову выше самого рослого шаса, являлся счастливым обладателем круглого, а не удлинённого лица и серых глаз, которых у носатых подданных Тёмного Двора отродясь не наблюдалось. Добавьте к этому подтянутую, несмотря на давнюю отставку, фигуру, плавные движения бойца, мягкий прищур профессионального охотника, и вы поймёте всю глубину отпущенной гостем шутки.

— Ты вроде тоже не бедствуешь?

— Твоими молитвами, дружище.

— Я читать не умею.

- А что ты всё время бормочешь под нос?
- Деньги пересчитываю.
- Я же говорю: шас.
- После пластической операции.

И снова — лёгкий, ненатянутый, но и не беззаботный смех. Главный разговор ещё предстоял, и мужчины пользовались возможностью слегка расслабиться.

- Как дети?
- Отлично. Твои?
- Передавали тебе привет.
- Помнят ещё?
- Ты редко бываешь на Алтае.
- Не хочу надоедать.
- У тебя не получится.

Андрей Ризнык выглядел так, как должен выглядеть наёмник в отставке: чуть раздобревшим, но всё ещё предельно опасным, как танк, нарастивший себе лишний слой динамической защиты: возможно, скорость уже не та, но лучше держаться от него подальше. Объёмистая фигура играла с теми, кто ничего не знал о Ризныке, злую шутку: незнакомцы принимали Андрея за воина, но в действительности он был весьма хорошим колдуном и в своё время прославился в Тайном Городе не столько силой, сколько умом и хитростью.

Однако время это прошло, и появление старого друга вызвало у Тыца обоснованную насторожённость.

— Выглядишь беспокойным, — произнёс хван, разливая по пиалам ароматный чай. — И немного подгоревшим.

- Лето. — Ризнык потёр красноватый лоб.
- Ты подгорел не здесь.
- По-прежнему наблюдательный?
- Ты меня проверяешь?
- Отмечаю неизменность некоторых вещей.
- Моя наблюдательность не вещь, а врождённое свойство.
- Хочешь поговорить о себе?
- Хочу сказать, что приготовил расслабляющий чай, а нужно было — развязывающий язык.

Травницы Тыца умели смешивать гербарии самыми причудливыми способами, добываясь едва ли не любого результата без магии и агрессивной химии. Чай из «Алтайской неувязки» мог успокоить, придать сил, усыпить, развеселить — палитра была широчайшей. С друзьями старый хван не позволял себе лишне-

го, но упоминание выведывающего тайны напитка показало, что Тыцу надоело ходить вокруг да около.

— Несколько часов назад я встречался с... — Андрей на мгновение запнулся, — встречался с деловым партнёром.

— И сразу ко мне? — Четырёхрукий широко улыбнулся. — Ты тоже не меняешься: решения принимаешь весьма оперативно.

За пределами Алтая хваны земледелием не занимались, полностью посвящая себя опасной, но хорошо оплачиваемой профессии наёмного убийцы. И именно такого рода дела обсуждались, как правило, в уютных чайных комнатах «Алтайской неувязки». Сам Тыц от работы «в поле» отошёл лет десять назад, но опыт и широчайшие связи не позволили ему вернуться на Алтай: сородичи убедили стать правой рукой Фета.

— Специально для тебя, старина, я уговорю Мубу поработать за половину обычного гонорара...

— Увы, дружище, я приехал по другой причине, — вздохнул Андрей. — Всё гораздо серьёзнее.

— Что может быть серьёзнее необходимости отправить неправильного делового партнёра в длительное путешествие навсегда?

— Дурацкая затея, которая всех поставит на уши.

Ответ сказал Тыцу, что Ризнык уже решил, а потому следующая его фраза прозвучала мрачно:

— Или уложит в землю.

— Ты смотришь в корень, — легко рассмеялся Андрей.

— Поскольку знаю, что ты вкладываешь в понятие «дурацкая затея».

— Не забыл?

— С тобой было весело. По-дурацки весело, не так, как с другими. — Хван прошептал короткое заклинание, и на столике появился горячий чайник — обычная обслуга в чайной не предусматривалась, — вновь налил напиток себе и гостю, после чего напомнил: — Ты в завязке.

— Бывших забияк не бывает, — парировал Андрей.

— Десять лет ты сидел тихо... Спящий тебя разруби, ты даже на большую войну наплевал, хотя тогда зелёные могли тебя простить.

— Я не собираюсь просить у них прощения, — жёстко ответил чел. — А в понятие «дурацкая затея» на этот раз вложено: «предложение, от которого невозможно отказаться». Большая война на его фоне — полная ерунда.

- Твой выбор? — уточнил хван. — Или тебе его навязали?
- Мой выбор, — твёрдо заявил Ризнык.
- Говори.
- Ты скажешь, чтобы я сдался Великим Домам.
- Ты плохо меня знаешь?
- Я встречался с Яргой.
- Сдайся Великим Домам.
- Хороший чай.
- Семейный рецепт.

Следующую пиалу они выпили в полном молчании. Каждый думал о своём. Андрей — о том, что Тыц стал бы идеальным напарником. Хван — что трудно сходить с ума на старости лет.

— Чем он тебя взял? — поинтересовался наконец четырёхрукий.

- Знающие Выселки.
- Серьёзная тема?
- Могу рассказать.
- Расскажешь, конечно, куда ты денешься. — Тыц выдержал многозначительную паузу. — Человские заморочки?
- А чьи же ещё?
- Ты всегда был за челов...
- Странно, да?
- Какие последствия?
- Тайный Город не исчезнет. Великие Дома не попадут в рабство. Всё останется как есть, только встанет на уши.
- Нас распнут?
- Уже есть «мы»? Я думал, тебя придётся уговаривать.
- Я ведь буду наёмником, не так ли?

А значит, ответственность за любые действия хвана целиком и полностью ложится на заказчика. То есть на Ризныка. Этим вопросом Тыц определил условия своего участия: он готов рискнуть жизнью, но не более.

— Ты будешь наёмником, — тщательно скрывая радость, подтвердил Андрей.

Однако допрос не закончился.

— Прежде чем продолжать, скажи, чего опасаться? — потребовал хван.

— Ярга надеется, что воскрешение Выселок приведёт к войне внутри Тайного Города, но я уверен, что Великие Дома смогут найти с ними общий язык.

— Однако сообщество с тобой не согласно.

— Великие Дома видят зло во всём, что исходит от Ярги. И не захотят возрождения Выселок.

— Спящий их разорви... Тут нужно крепко подумать.

Тыц почесал в затылке, затем прошептал очередное заклинание, и остывший чайник с чашками сменил накрытая салфеткой тарелка и два гранёных стакана, до краёв наполненных прозрачным медицинским спиртом. Андрей тихонько выдохнул, но промолчал — отказываться от этого угощения принято не было. Хван извлёк из кармана малюсенький хрустальный флакончик и осторожно, как величайшую драгоценность, добавил в каждый стакан по три капли «горного сиропа». Его делали из стеблей и листьев Золотого Корня, и делились «сиропом» только с самыми лучшими друзьями.

Спирт в стаканах стал оранжевым и потерял запах.

— Помнишь, как закусывать?

— Мочёным яблоком.

— Верно, — улыбнулся четырёхрукий, сдёргивая салфетку.

На тарелке, естественно, оказались готовые к употреблению яблоки. — Твоё здоровье, Андрей!

— Твоё здоровье, Тыц!

Но поднятый стакан замер у груди.

— О чём ты сейчас думаешь? — неожиданно и резко спросил хван.

— Мы достаточно пожилы, чтобы рискнуть ради других, — спокойно и быстро ответил чел.

— Хорошо сказал, — одобрил Тыц.

— Или же я рехнулся.

* * *

Бар «Три педали»

Москва, улица Большая Дмитровка,

13 июня, понедельник, 01:21

— Тужься, придурок! Тужься!

— Коряга, ты сумеешь!

— Коряга, борись!

— Баллон! Старайся!

— Я стараюсь!

— Не отвлекайте придурка! Тужься!

— Я тужусь!

— Ты как назвал уйбуя?

— Потом поймёшь, дебил!

— Я?!!

Один из самых знаменитых баров Тайного Города — «Три педали» давным-давно облюбовали игроки всех мастей, типажей и наклонностей, верные адепты Его величества Азарта, делающие ставки даже на количество съеденных за завтраком круассанов. Через Интернет или по телефону в «Педалях» не работали принципиально: здесь ориентировались на живые эмоции, на тех, кто тратит не только деньги, но и время, желая глотнуть настоящего, неоцифрованного адреналина. Шеренги мониторов демонстрировали все мало-мальски интересные состязания, включая финалы районных первенств поедания гамбургеров и чемпионат мира по скоростному перекрашиванию брюнеток в блондинок; шеренги прожжённых букмекеров принимали любую ставку, начиная с дилетантской десятки и заканчивая профессиональными миллионами; а когда текущие состязания недостаточно цепляли, в дело развлечения посетителей вступали приглашённые маги, на ходу изобретающие самые странные пари.

Сейчас, к примеру, колдуны пытались вырастить на генетически девственных головах Красных Шапок по одной кудрявой пряди чёрных как смоль волос длиной не менее пятнадцати дюймов. А поскольку победитель получал десять процентов банка, уже составившего двести тысяч наличными, старались волшебники на совесть.

- Баллон! У тебя пупырышки!
- Это луковицы созревают!
- Дубина ты, Зубило! Ещё скажи: свёкла, мя.
- А ты думал волосы откуда растут?
- Из кожи, бестолочь, а не из овощей!

Состязание между природой и магией шло уже двадцать минут, и публика основательно завелась. Ставки росли, опытные игроки торопливо оценивали квалификацию соревнующихся магов, пытались просчитать, голова какого уйбуя окажется более плодородной, и не забывали умножать результаты на коэффициент везучести. А дикари просто поддерживали своих.

- Гниличи — вперёд!
- Дуричи лучшие!
- У вас даже волосы не растут!
- У вас тоже!

А две подопытные Шапки усердно морщили лбы, пытаясь хоть чем-то помочь колдунам преодолеть поставленный матерью-природой барьер.

- Коряга! Это щетина!
- Где!
- Из тебя щетина прёт!
- Из Коряги прёт!
- У Коряги прёт!

Выглядели дикари обеих десятков одинаково: чёрные кожаные штаны, жилеты, безрукавки, грязные футболки, обязательные красные банданы и не менее обязательные татуировки — шкуры и Гниличей, и Дуричей были разрисованы плотнее иного триптиха. В начале состязания дикари смешались с толпой, но сейчас распределились на две кучки и вопили так, что соседям приходилось зажимать уши:

- Я — чемпион!
- Коряга чемпион!
- Не ори — расти волос!
- Я хочу на него поставить!
- Когда прёт — не принимаем!

Мастерство колдовавшего над Корягой волшебника одержало временную победу над природой, и из лысой макушки уйбуй, извиваясь, выполз кудрявый хохол.

— Есть!

Ещё через десять секунд волосами обзавёлся Баллон, однако это уже никого не интересовало.

— Теперь вы поняли, уроды, что Дуричи — лучшие?! — радостно завопил Мотыга. — Вискаря дайте для праздника!

— Если из Коряги щетина попёрла, это ещё не значит, что он лучше, — проворчал проигравший Баллон Гнилич. — Это значит, что он — свинья.

— На себя посмотри, лохматый, — высокомерно предложил Коряга, однако ссору в столь радостный момент затевать не стал. Бросил взгляд в зеркало, потрогал себя за чёрную прядь и приосанился: — А чо? Нормуль, в реале.

Волосы вылезли аккуратно из прошлогоднего шрама, что расчиркал уйбуйскую башку примерно напополам, и аккуратно его прикрыли, на время вернув Коряге позабытое ощущение целостности.

— Дней через пять отросток высохнет и отвалится, — сообщил колдун, передавая Коряге долю: десять процентов от своих десяти процентов.

— Какой отросток? — Уйбуй перепугался настолько, что купюры скользнули из ослабевших пальцев на столешницу, где

их тут же попытался прибрать шустрый Шкварка. — Ты что наделал, гад?

Шкварка с трудом уберёг пальцы от уйбуйского ятагана и поспешил пересесть подальше от притягательных банкнот: Коряга даже в панике не забывал о сохранении наличности.

— Тот отросток, что из головы вылез, — хмыкнул маг. — Это же не волосы...

— Морок навёл? — «Сообразил» успокоившийся дикарь, прибирая со стола последние купюры. — Нормуль ты всех подставил, в реале.

— Нет, это не морок, а именно отросток. Но лучше обойдёмся без подробностей.

— Да, умничать не надо.

— Что сказал?

— Спасибо сказал, в реале, — взял назад Коряга. — Бабла срубили ведь? И хорошо.

— Приходи в следующий раз — будем хвосты отращивать.

— Ага... — Уйбуй дождался, когда маг отойдёт от столика на несколько шагов, взял в руку принесённую официантом бутылку виски и принялся неспешно сворачивать пробку. — Видали, бойцы? Из меня не тока волосы прут: ко мне теперь маги на доклад бегают в реале.

— Волосы — это тема, — промямлил Мотыга.

— Ты ещё бороду выпусти, как этот... как Федель, — предложил Шкварка.

— Какой ещё педель? — насторожился Коряга.

— Фидель, — уточнил начитавшийся газет Натуга. — Герой и мужик человеческий. Только бородатый весь.

— А-а...

На время подозрительного разговора уйбуй перестал вскрывать бутылку, чем вызвал несколько недовольных взглядов и даже замечание.

— Слышь, уйбуй, виски от того, что ты его крутишь, не испортится? — осведомился Мотыга.

— Лучше не проверять, — пискнул Йога.

— Виски, — уточнил Шкварка, заметив на физиономии начальника непонимание. И пальцем ткнул: — Виски.

— Надо выпить.

Коряга снова взялся за дело, но вождеденное движение превалось явлением хитроумного конца.

— Услышал, интересуетесь педелями, и не смог пройти мимо, — мягко проворковал Фляций, ласково ухватывая дикарского предводителя чуть повыше локтя. — Я тут подрядился чела шествие организовать, не хотите принять участие? Оплата достойная.

— Мы — в человеческом шествии? — вытаращился Коряга.

— Ну, не совсем в человеческом... Скорее, в суррогатном... — Фляций повертел унизанными перстнями пальцами, с сомнением покосился на ятаган, но продолжил с прежним пылом: — В общем, вам знать не обязательно. Главное — прийти и недолго пройти.

— Зачем?

— Поможете от мужиков отбиться.

— От крестьян типа?

— Типа, — протянул конец.

На первый взгляд предложение показалось заманчивым: прогуляться с суррогатами какими-то и набить кому-то рожу за деньги — что может бы проще? Однако слово «мужик» ассоциировалось у Коряги с крепким кулаком, дубиной, а то и вилами, зажатыми в этих самых кулаках, и потому уйбуй почёл за благо отказаться:

— Не, мы заняты. — И вновь принялся за пробку. — Да и при бабле, типа.

— Бабло приходит и уходит, а выпить хочется всегда, — промурлыкал Фляций.

— Поэт, мля.

— Не без этого. Короче, надумаете копеечку на неправильных челах поднять — звоните.

Конец куда-то запропастился, а из вскрытой бутылки полилась по стаканам янтарная жидкость.

— Волосы — крутая тема, мля, — пробормотал Йога, облизываясь на заблагоухавшую ёмкость. — Как выросло, так сразу завертелось. Точняк тебе говорю: бороду расти.

— Раньше ещё завертелось, — подал голос Шкварка. — Когда мы...

— Не здесь! — рявкнул Коряга.

Боец заткнулся:

— Звиняй.

И Шапки молча опрокинули по первому стакану.

— Я типа к тому, что нам всё в руки плывёт теперь, — очень тихо, едва пробиваясь сквозь царящий в баре гам, произнёс Натуга.

— Плывёт — радуйся, — грубовато отрезал Мотыга.

— Я радуюсь.

— Хреново радуешься. Не качественно.

— А я вот мозгую, что не просто так нам всё подгребает, — выдал Коряга, поглаживая чернявый хохол. — Ниоткуда не берётся, мля, я так давно понял.

Он до сих пор не повязал голову традиционной банданой, и опоздавшие на шоу посетители бара с замешательством взирали на волосатого Дурича.

— Не просто так, а за деньги, типа? — гыкнул Натуга.

— За то, что мы врубились, кто мы, — нравоучительно ответил Коряга. — Или только я врубился, но этого хватило.

— Мы — Красные Шапки, — патриотично заявил Шкварка.

Остальные, поразмыслив, покивали, но на жожака уставились вопросительно: мол, что придумал-то? Коряга и раньше славился на весь Форт повышенной завиральностью, великий фюрер хотел его даже по исторической части пристроить, но забыл. А после того, как в пьяной драке башку уйбую едва не поделили напополам, идеи и предложения стали сыпаться из Коряги будто из дырявого интеграла цифры. Одно время бойцы даже побаивались жожака, но потом привыкли. И слушаться продолжали, потому что, при всей своей странности, деньги Коряга добывать умел.

— Вот видишь, ты ещё не врубился, — произнёс уйбуй, с жалостью разглядывая патриотичного Шкварку. — А я давно, неделю назад, ещё до того как мы в тот ангар полезли, стою утром и думаю: кто я, мля, в реале?

Так и было: очнувшийся после грандиозного застолья Коряга с трудом дополз до туалета и там, отчаянно борясь со сном, головной болью и накатывающей дурнотой, попытался себя осознать. Привычное имя никак не хотело приходиться на ум... в смысле — в голову, и уйбуй бесился.

— Га... — шептал он, массируя макушку под банданой. — Га...

«Колымага? Сутяга? Сантьяга... Сантьяга??? Бога? Ортега?»

— И тут я понял, что мы, в реале, навы! — провозгласил Коряга, торжествующе оглядывая подчинённых. — Прикинули?

Но ожидаемого приступа радости не случилось. Бойцы дружно кивнули, признавая право завирального десятника на заявление, но всё их внимание было отдано недопитой бутылке виски и двум её подругам, свеженьким, приветливо поблёскивающим в свете электрических ламп.

— Мы — навы! — злее повторил уйбуй. Он любил, чтобы его идеи доходили быстро. Даже до бестолковых голов сородичей.

— Это как? — опомнился Мотыга.

— Это типа с мамой твоей не папа тебя делал, а... Сантьяга, к примеру, — выдал Йога, прозванный так за ловкое умение закидывать ногу за голову. — А папаня в это время пьяный в куче мусора валялся.

И тем кольнул приятеля прямо в сердце.

Ошарашенный Мотыга сначала припомнил внешний вид родительницы, толстой тётки в розовом капоре, затем бойцу явился образ комиссара Тёмного Двора, и результатом сложения стал естественный вопрос:

— Чем докажешь?

Остальные бойцы, пережившие аналогичную цепочку размышлений, вылупились на вожака в аналогичном же недоумении.

— Про мам своих забудьте, — строго велел Коряга. — Мамы наши, так же как папы, типа легенда разведчицкая для достоверности. Её, то есть их, нам всем выдумали, чтобы легче затеряться. А Шапки эти Красные поверили, потому что тупые.

— Как? — растерялся Шкварка, в котором ещё оставались капли семейного патриотизма.

— А я всегда знал про то, что уйбуй сейчас говорит, — неожиданно выступил Натуга. — Не зря меня папашка лупцевал злобно, как неродного.

Поскольку подобным житейским опытом могли похвалиться все дикари, дальнейших доказательств и не требовалось.

— Мы, братухи, навы, спрятанные и в глубины Зелёного Дома запихнутые, — торжественно подытожил Коряга. — За наше здоровье!

— Что-то глубоко запихнуты, мля, из Форта даже королеву не видать, — заметил выпивший Шкварка. — Я думал, нас если и пошлют, то за королевой следить, типа, чтобы она своей магией дел не наворотила.

— Нам королева по фиг, в реале, — по-тёмному прищурился уйбуй.

— Зачем же тогда навов в Зелёный Дом посылать? — удивился Йога.

— Для случая войны, в реале. Мы, когда заваруха начнётся, резко в настоящее вывернемся и станем сразу крутыми перцами

с мечами и все тёмные такие... — Коряга ласково погладил отрокоток. — Высокими станем, красивыми... И волосатыми тоже.

Бойцы восхищённо притихли, представляя себя красивых, тёмных, волосатых и в белых костюмах. Ну, можно и чёрных, но главное — всегда при деньгах и всегда крутыми. Волнующий образ нава покорил их, как некогда англичане Индию — быстро и безжалостно.

— На прошлой войне, в реале, мы, как все остальные, драпали и в подвалах сидели, — припомнил неутомный Йога.

— Это потому, что война была маленькая, мля, войнушка, — презрительно ответил Коряга.

— С гиперборейцами?

— А то!

— Маленькая? Чуды с людьми чуть все не вырезались поголовно!

— Гиперборейцы победили? — перешёл в атаку уйбуй.

— Нет, — сообщил боец всем известный результат.

— Значит, маленькая! — рывкнул Коряга. — И наш суровый диверсионный отряд Тёмному Двору не понадобился.

Сложные и даже логические умозаключения никогда не были коньком Шапок, но то, что они тайные навы, дикари уловили и принялись думать в этом направлении.

— Я бы на гиперборейцев нападать не стал, — честно признался Мотыга. — Меня от одного их вида противного плющило.

— Это ты сейчас не стал, когда Шапка, — объяснил уйбуй. — А там бы навом обратился и ещё как стал. Одной катаной бы их сотню разогнал, в реале.

— То есть я стану сильным?

— Когда оборотишься.

— А я точно оборочусь?

— В навы? — Коряга покачал головой и с деланой доброжелательностью оглядел сородичей: — Мля, бойцы, когда же вы правду станете видеть дальше собственного носа? Вы же типичные навские разведчики, только под прикрытием! Нам даже имена такие дали, чтобы чуть что — сразу оборотиться.

— То есть мы навы?

— Навы!

— Честно?

— Да проснитесь же! — Коряга осушил ещё стакан и приобнял ближайшего Натугу. — Ты брат мне, мля, брат по Нави.

Придавленные аргументами бойцы занялись обдумыванием перспектив обнаруженного родства, и среди скрипа мыслей едва не затерялся робкий вопрос:

— А я? — расстроенный Шкварка чувствовал себя оплётанным, обгаженным и брошенным на произвол судьбы. Все обзавелись могущественными родственниками и собрались за подарками, он, несчастный, обречён прозябать на обочине. — Со мной как?

— А ты — дятел, — выдал Йога.

— Лузер!

— Прибился к благородным, так радуйся, пока не выгнали.

— Дикарь, мля.

— Обезьяна!

— Цыц! — резанул Коряга. Бросать своих он не собирался, а потому отечески возложил на плечо обездоленного бойца руку и поведаль: — Ты, Шкварка, как гарка.

И тем вернул несчастного к жизни.

— Я когда себя осознал: всё поменялось, в реале, — продолжил уйбуй, вновь наполняя стаканы. — Сказал себе: я — нав, и мы в тот же день в ангар залезли и теперь в шоколаде, мля, как зайцы.

— Это потому, что правда за нами, мля, — заметил Мотыга. — В правде — сила, брат.

— Все говорят, что навы счастливчики, будто серебряным половником стукнутые, — припомнил Йога. — Значит, и мы теперь станем.

— Надо в кармане проверить, — деловито произнёс Натуга. — Вдруг там бабло нарисовалось?

И полез в штаны соседа.

— Жить станем долго, — добавил Йога, отцепляя товарища от бёдер.

— Сколько? — встрепенулся Мотыга.

— Да хоть вечно.

— Житуха, мля.

— Сила не только в правде, но и в бабках, — строго сообщил Коряга, вскрывая очередную бутылку. — А потому завтра ночью снова на дело пойдём.

— Да нам эти дела теперь — как два пальца об асфальт!

— Кого скажешь, того и сделаем!

— Мы теперь белки!

И в бедламе «Трёх педелей» стаканы Шапок звякнули с осознанным энтузиазмом.

* * *

*Москва, 5-й Котельнический переулок,
13 июня, понедельник, 14:32*

— Спящий тебя разорви, тот самый «М35»?! — Тыц изумлённо округлил глаза. — На котором ты проехался по Красной площади?

— Жаль, что под мороком, — произнёс довольный производённым эффектом Андрей.

— Тебя едва не прибили за аркан в зоне Кадаф.

— Зато повеселились.

— Особенно твои враги. — Тыц припомнил последствия давнего скандала, поморщился и решил сменить направление разговора: — Я, кстати, до сих пор не знаю, откуда у тебя машина? Купил?

— Мелко, — вздохнул Ризнык. — Обидеть хочешь?

— По наследству достался?

— От дяди.

— А у него откуда? — Хван почесал подбородок. — Ленд-лиз?

— Какой ты умный.

— Таким уродился.

— Я думал, ты уродился лысым, — хмыкнул Ризнык.

— Лысым я стал, когда Золотым Корнем обварился, — пошутил Тыц. — В одиннадцать лет.

— С тех пор ты такой крутой?

— С тех пор у меня всегда отличное настроение.

Они разговаривали, сидя в широком «Хаммере» — Андрей за рулём, Тыц справа, — осторожно пробирающемся по узким таганским переулкам.

Решившись «поставить всех на уши», друзья засели разработывать план и всего за пять часов наметили в меру хитрую и вполне реализуемую последовательность действий, позволяющую рассчитывать на семидесятипроцентную вероятность выживания — порог в их обстоятельствах просто сказочный. Затем встал вопрос о необходимом оборудовании, и довольный собой Ризнык поведал о наличии у него, предусмотрительного, как сто пятьдесят восемь образованных шасов, давнего склада со всевозможными артефактами и снаряжением. «Запасов там — на большое вторжение в небольшую страну! А главное — платить никому не надо, потому что всё и так моё. Только съездить и забрать». Экономный хван не стал спорить с воодушевлённым

челом, и теперь они направлялись в секретный схрон, в котором, как выяснилось, их ожидало кое-что необыкновенное.

— Про Вьетнам слышал?

— Курорт такой. Рядом с Таиландом.

— Курорт... — протянул Андрей. — Сейчас курорт, а сорок лет назад мы там воевали, между прочим.

— Неофициально, — уточнил Тыц, помнивший события тех лет гораздо лучше чела.

— Неофициально, зато вполне героически. Дядя Толя во Вьетнаме инструктором работал.

— Механизатором?

— Нет, охотоведом: зверьё в джунглях отстреливал.

— Успешно?

— «Красная звезда» и «Знамя», — с заслуженной гордостью сообщил Ризнык.

— Серьёзно, — признал Тыц. — У тебя правильные родственники, старина.

— А то! — Андрей даже порозовел от удовольствия. — Так вот, когда командировка заканчивалась, дядя Толя решил привезти домой какой-нибудь сувенир на память, ну и прихватил трофейный «М35» с последнего задания. Ребята его смазали, законсервировали, погрузили на «торгаша» и пустили во Владик, а оттуда по железке в Москву.

— Не великоват сувенир получился?

— Грузовик вещь полезная, — не согласился Андрей. — За картошкой сгонять, грибы на рынок отвезти, родственников на пьянку доставить... В общем, дядя Толя прагматично мыслил. Иной бы себе «Москвич-413» прикупил с кожаным салоном и загибался бы потом с ремонтами и тюнингом, а у дяди Толи всё к хозяйству приделано. К тому же тачка — зверь, и соляру жрёт, и бензин, в общем, всё, где хоть одно октановое число есть. Я на нём по Москве так рассекал — до сих пор вспомнить страшно.

— И какая же у «М35» запредельная скорость? — хрюкнул хван. — Тридцать миль в час?

— Сто десять не хочешь? — вопросом парировал Ризнык и тем ввёл приготовившегося хохотать друга в ступор.

— Откуда в нём столько?

— Слышал о мастерской Махе Томбы?

— Кто же о ней не слышал?

— Я Махе небольшое состояние отвалил, но оно того стоило: его ребята из «М35» гоночный броневик слепили.

— Вооружённый?

— И вооружённый, и защищённый. — У Андрея вспыхнули глаза. Чувствовалось, что разговор его по-настоящему зацепил. Бывший наёмник давно поставил любимца на прикол, но скучал по нему. И по тому, что автомобиль символизировал. — «Браунинг» «М2» сверху...

— Непатриотично, — заметил четырёхрукий.

— Зато аутентично.

— Полицейские не тормозят?

— У меня артефакт морока, совмещённый с «Накидкой пыльных дорог», — махнул рукой Ризнык. — Так что мой «М35» все за «КамАЗ» принимают.

— Защита?

— По корпусу самый писк того времени: модернизированный «Навский аркан», всасывающий магическую энергию любого типа. Гарантированно разрушает любое боевое заклинание четвёртого уровня.

— У «аркана» перезарядка длинная.

— На паузы предусмотрены стандартные отражающие контуры.

— Броня?

— Противопульная. При необходимости усиливается магией, так что можно погасить даже пушечный выстрел.

— Ты молодец, — одобрил Тыц, питавший понятную мужскую слабость к навороченным военным автомобилям.

Здоровенный внедорожник едва вписался в нужный поворот — мешали припаркованные как придётся машины — и въехал в совсем узенький придомовой проезд.

— Место для схрона я тоже подобрал по-умному, — продолжил хвастаться Андрей. — Здесь рядом вояки сидят, то ли ПВО, то ли космонавты, в общем, засекреченные по самые гланды. А рядом мой ангарчик притулился.

— Проверяли?

— Кто сунется? — рассмеялся Ризнык. — Местные считают, что ангар военный, военные уверены, что его быстрые гэбэшники воткнули за ними следить, гэбэшники тут не появляются, поскольку не знают, что тут о них думают. Так и живём.

— Лучше бы морок навёл.

— Морок включается, если посторонний вторгается в зону безопасности. Из дверей выходит часовой с автоматом и ведёт себя крайне агрессивно.

— Посторонние пугаются и убегают?

— Должны, — подтвердил чел.

— Эти не убежали.

— Что?! — Отвлёкшийся на автомобильные манёвры Андрей только сейчас разглядел следы вторжения. — Чёрт! Дерьмо!!!

Небольшой ангар, похожий на высунувшийся из земли бункер, уныло таращился на хозяина перекошенными воротами, пережившими, точнее не пережившими, последствия жёсткого взлома. Площадку перед разорённым ангаром усеивали бумажки, смятые коробки, подозрительные обрывки и прочие следы похозяйничавших преступников.

— Похоже, нам всё-таки придётся идти в магазин, — хмыкнул хван.

— Убью!

Расстроенный Андрей бросился внутрь, ненароком снеся правую, наиболее пострадавшую створку. И огласивший ангар вопль лучше всяких слов показал, что любимым «МЗ5» воры не погнушались.

— Они забрали всё! — Возвращение расстроенного чела ознаменовалось гибелью второй створки. — Убью!!!

— Кого убьёшь? — хладнокровно осведомился четырёхрукий.

— Кто сделал!

— Сделал, между прочим, недавно, — протянул Тыц. Поскольку содержимое склада не вызывало у него сентиментальных чувств, хван занялся исследованием места происшествия. — Неделю назад, не больше.

Несколько секунд удивлённый Ризнык таращился на четырёхрукого, затем вспомнил, что хваны — прирождённые охотники, умеющие читать любые следы, и поинтересовался:

— Может, скажешь кто?

— Конечно, скажу, — улыбнулся хван. Он прошёл вдоль стены ангара и вытащил из травы пустую бутылку «бима». — Узнаёшь?

— Убью, — угрюмо повторил Андрей. — Если не вернут машину, всех, кто здесь был, всех...

И выразительно сжал кулаки.

— Вопрос не в том, что ты с ними сделаешь, — рассудительно произнёс Тыц, отбрасывая бутылку в сторону и доставая из кармана платок. — Вопрос в том, что они сейчас делают с твоим наследством?

* * *

*Складской комплекс «НордЛогистик»
Подмосковье, Каширское шоссе,
14 июня, вторник, 03:03*

Что на свете может быть скучнее охраны пары гектаров огромных ангаров, под завязку набитых разнообразным товаром? Пропальвание морковки от петрушки? Подчёркивание буквы «ижица» в первом издании «Войны и мира»? Наблюдение за гонками улиток?

Чертовски трудно с ходу назвать столь же монотонное занятие, однако старый Сергеич, служивший некогда в комендантских подразделениях имперской армии, а ныне занимающий весомую должность начальника смены, считал свою работу одной из самых интересных и уж точно — одной из самых важных в мире. Опытный, подозрительный, доверяющий исключительно своим глазам, он стал настоящей находкой для службы безопасности гигантского комплекса и только за последний год сумел предотвратить три попытки хищений ходового товара. К Сергеичу прислушивались не только из уважения к должности — он свой авторитет честно заработал, а потому, когда начальник смены неожиданно вызвал на монитор картинку с одиннадцатой камеры и долго, почти три минуты, не отрываясь смотрел на изображение пустого пандуса и закрытых ворот, смешков за его спиной не возникло. Даже скрытых. Пара находящихся на КП охранников терпеливо ждала, когда шеф закончит, и лишь сообразив, что изучение простой картинки неприлично затянулось, один из них рискнул подать голос:

— Сергеич?

— Странно мне что-то, — помолчав, ответил начальник, не отводя взгляд от монитора.

— Страшно?

— Странно.

Охранники переглянулись.

— Заметил чего?

— В том-то и дело, что нет, не заметил. И собаки молчат. Но... — Сергеич медленно оглядел коллег и продолжил: — Чувство у меня такое, будто чего-то мы не замечаем.

Необъяснимое чувство не раз выручало, позволяло предотвращать проникновения на объекты, но сейчас — и распространяться об этом старый охранник благоразумно не стал — его не просто «тюкало», а изрядно «долбило», что означало высокую

вероятность крупных неприятностей. На складе определённо что-то происходило.

— Давно чувство появилось? — тихо спросил Виталич.

— Минут десять.

— И проблема у одиннадцатых ворот?

— Да.

У закрытых, если верить передаваемой с камеры картинке, ворот.

— Пойду проверю, — серьёзно проронил Виталич. — Патруль далеко ушёл, так что я молодого возьму и проверю.

— Молодой пусть в мониторы таращится и за тревожную кнопку держится, — решительно распорядился начальник смены и резко, как будто сам был молод, поднялся с кресла. — Я с тобой пойду.

И расстегнул кобуру...

— Не было в этом ангаре големов, дятел ты кривоносый, — зло бросил Натуга. — Это чловский склад, всосал? Тут големов не бывает.

— Мля, Натуга, ты, мля, как напруга: давишь и давишь, — выдохнул в ответ Шкварка. — У тебя в ушах волосы выросли? Я ведь сказал: сначала надо было другой склад подломить, с големами.

— Это не из тебя ум капает, а? — осведомился толкающий следующую тележку Коряга. — Весь склад изгадил.

Мотыга и Натуга заржали, но набросился Шкварка только на своего напарника.

— По шее захотел?

— Сам заткнись!

Впрочем, все понимали, что драки не случится: для этого Шапки слишком устали. И ругались они от этой самой усталости. Весь последний час дикари грузили в машину выбранную Корягой добычу, которая, по закону подлости, хранилась в дальнем конце ангара. Электрокаров Шапки не обнаружили, пришлось пользоваться примитивными тележками, дело затянулось, основательно всем надоело, и радовало только то, что нынешняя ходка должна была стать последней.

— Хватит ныть, умник.

— Я не ною, мля, а выражаю неудовольствие. В конце концов, я гарка, мля, хоть и Шкварка.

— Не нравится работа, найди другую, — предложил Мотыга.